

БОЛЬШАЯ тема для сердца русского человека... Говорить о разграбленных национальных достоинствах можно долго, но я отвлекусь от истории пропажи наследства Федора Ивановича Шляпина, с чего и начал этот рассказ. После встречи в ЦДЛ с незнакомкой, заинтриговавшей меня обстоятельством кражи мемориальных вещей великого певца, прошло месяца два, прежде чем я позвонил по указанному номеру телефона...

Почему медлил? Повторяю: растащили всю Россию, что в сравнении с этим ценности одного, пусть и богатого человека?.. Видимо, скорей всего меня подтолкнуло позвонить той женщине не просто желание узнать, куда, собственно, делось наследство Шляпина, а нечто большее: жестокая несправедливость по отношению к этому гению. «Ибо Шляпин, — как сказал когда-то Горький, — лицо символическое! Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ!!!»

Шляпин не сбегал из России. В первые послеоктябрьские годы он, как известно, много работал, поставил десятки опер, хотя его и прижимали. Сохранилось, например, письмо Федора Ивановича властям по поводу незаконной конфискации у него денег.

«Петроград, мая 1918 г. В Петроградскую трудовую коммуны от артиста Государственных театров Федора Ивановича Шляпина.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Из прилагаемого в копии документа видно, что Совдеп города Ялты реквизировал принадлежащие мне и находившиеся в Азовско-Донском банке деньги, в количестве 148.536 руб. 47 коп.

Я нахожу эту реквизицию несправедливой и оскорбляющей, как и достоинство артиста, так равно и достоинство власти.

Деньги, взятые у меня, я нажил не путем эксплуатации чужого труда, не спекуляцией на голоде и несчастье народа, а путем упорной работы, тяжесть которой едва ли понятна людям, не знакомым с ее условиями: я нажил эти деньги тратой моего таланта, силами моего духа.

Я могу и смею сказать, не преувеличивая моих заслуг перед Родиной, что двадцатипятилетний труд мой на арене русского искусства, заслуживает более справедливого отношения ко мне.

Поэтому я прошу Петроградскую коммуны возвратить мне деньги, взятые Совдепом города Ялты.

Не протестуя против непомерно огромных налогов, которые я охотно плачу в пользу коммуны, я уверен в моем праве протестовать против этой реквизиции, слишком тяжелой для меня».

На обратной стороне прошения рукою Ф. И. Шляпина чернилами выведено следующее: «Написано М. Горьким для меня — но мною не подано, потому что!!!»

К сему была приложена копия документа о реквизиции денег.

«Г. Шляпину Федору Ивановичу.

Милостивый государь! Согласно декрета Ялтинского Совета Раб. и Солд. депутатов от 4-го марта 1918 г. и вследствие распоряжения комиссара финансов с Вашего текущего счета за № 2342 в Ялтинском

отделении Азовско-Донского коммерческого банка перечислены на текущий счет Ялтинского Совета раб. 148.536 руб. 47 коп. (сто сорок восемь тысяч пятьсот тридцать шесть руб. 47 коп.) сроком 21—6 марта 1918 г., о чем настоящим доводится до Вашего сведения.

Комиссар финансов (подпись неразборчива. — А. А.)

Ялта 21—6-го марта 1918 г.»

На этом, надо полагать, не закончились притеснения Шляпина. В 1922 году он отправляется за границу на гастроли. (Вместе с ним уезжают его вторая жена Мария Валентиновна и их дети. Брак с Торнаги расторгнут не был, и вторая семья официально считалась незаконной, хотя дети также носили фамилию Шляпина. Он даже обращался по этому поводу к царю — Николаю II, но тот ему отказал в просьбе, сославшись на российские законы).

И вот 30 мая 1927 года в

Раб. трибуна, — 1990 — 5 сект.
Частное расследование

Александр АРЦИБАШЕВ

Бриллианты Шляпина

газете «Вечерняя Москва» за подписью некоего «Садко» (?) появляется заметка с заголовком: «Шляпин — народный артист или белогвардеец?».

«В парижской монархической русско-эмигрантской газетке «Возрождение» напечатано письмо в редакцию некоего протоиерея Георгия Спасского — с изъяснением благодарности Федору Ивановичу Шляпину — за пожертвование «в пользу безработных» 5 тысяч франков. В ту кампанию клеветы и злобы, какую сейчас ведет против Советского Союза мировая реакция, народный артист Шляпин внес посильную лепту.

То, что из всей белогвардейщины Шляпин предпочел самую махровую — монархическую, — не особенно удивительно. Этот «друг Горького» уже давно выгрался в образ «Бориса Годунова до... памятной всем дрожи в коленях, когда он распростерся во прах перед коронованным чурбаном, Николаем II.

Конечно, выводы из этого политического выступления будут сделаны, и опозоренное Шляпиным звание «народного артиста» будет с него сорвано. Сейчас Шляпин, вставший по ту сторону баррикады, для нас все равно, что покойник, а о мертвых — как умолчать «хорошее».

В лице «покойного» Шляпина никакой художественной потери мы не понесем, поскольку струя его творчества иссякла еще до революции, и его репертуар не пошел дальше 3—4 оперных партий и 2—3 десятков навязанных в ушах старых арий и романсов, — да и голос стал изменять ему еще в его «советские» времена. За годы же пребывания за границей Шляпин просто исхлестался.

Но преступление мертвых — урок живым. Довольно игры в «аполитичность» работников искусства. В такие моменты, как переживаемый, особенно ясно, что кто не с нами, тот против нас. Ученые СССР из тишины своих кабинетов демонстрировали определенное политическим выступлением. Мы ждем аналогичной демонстрации и со стороны работников искусства — в первую очередь, со стороны наших народных артистов. Мы ждем, что последние выскажут свое отношение к сомпрометированному носимому ими высшему звание Шляпину и заклеят его новым, заслуженным им званием — «предателя».

САДКО.

зано — его лишают звания народного артиста, и теперь к нему надолго прилипают ярлыки: белогвардеец, предатель, монархист. Вообще любопытно было бы узнать, кто скрывался за псевдонимом «Садко» и кто конкретно из тогдашних работников искусства требовал суровых «санкций»? Федор Иванович поначалу старался не показывать своего раздражения по поводу начавшейся травли. Сужу хотя бы по его письму, опубликованному в одной из советских газет.

«КАК ТОЛЬКО КОНЧУ КОНТРАКТ — ПРИЕДУ В МОСКВУ»

В Москву вернулся из-за границы известный театральный деятель В. И. Никулин. Будучи в Париже, В. И. Никулин гостил у народного артиста республики Ф. И. Шляпина. В разговоре с арти-

стом В. И. Никулин предложил Ф. И. Шляпину, чтобы он в письменном виде сообщил о том, когда он сможет приехать в СССР, и как он относится к появляющимся в печати сведениям о нежелании его приехать в СССР.

3 сентября Ф. И. Шляпин прислал в Берлин В. И. Никулину письмо следующего содержания:

«Дорогой Вениамин Иванович.

Ничего не поделаешь! Завязался с контрактами Америки, Австралии на несколько лет и, конечно, вынужден исполнять подписанные обязательства. Что было делать? Уехал из России без гроша и пришлось продать черту души. — Продай! — Не моя вина...

Как только кончу контракт, сейчас же постараюсь последовать вашему приглашению и если ничто не помешает — приеду в Москву, в Ленинград и, вообще, в весь СССР.

Что же касается разных «пописух», вроде «Танов» и прочих «Оборотней», то они уже лет 25, если не более, лгут на меня, как на «мертвого» — при всех удобных и неудобных случаях. Вы сами, зная меня хорошо — знаете и им цену. Передайте мой сердечный привет всем работникам искусства и милым друзьям.

До свидания.

Всегда ваш Федор Шляпин».

Ну а разве ни о чем не говорит тот факт, что, живя до самой смерти в Париже с французским паспортом, Федор Иванович тем не менее французского гражданства не принял? В графе о подданстве в его паспорте стояло: «русский». Не «эмигрант», не «натурализованный», а русский! Это было редчайшим исключением для иностранца! Как писал в своих воспоминаниях аккомпаниатор Шляпина пианист Годзинский, кроме Федора Ивановича, такой же паспорт был еще у Рахманинова.

В ЧИТАЕМСЯ еще и вот в это письмо, посланное Шляпиным в Москву старшей дочери Ирине Федоровне (она вместе с матерью Иолой Игнатьевной Торнаги не пожелала выехать из СССР); сколько в нем печали, тоски по Родине, близким. С некоторыми сокращениями письмо публиковалось в «Литературной газете» (№ 123, 16 октября 1965 г.).

«9 мая 1936 года. Токио.

Алина, моя милая! Позавчера получил твоё письмо с вырезкой из «Известий» и веточкой вербы — не скрою — мне было приятно увидеть, как хорошо вспомнил обо мне Сосновский. — Я тоже помню его, и он в памяти моей стоит хорошо — милый и умный парень! — Но... читая эту статью об «Артистах своей страны» — я с грустью прочи-

тал заключительную фразу: «Потому что в конце концов разве Шляпин свой человек всем этим французским и иным ценителям его таланта?» Да, конечно, чужой! еще бы! — Но как же тут разбираться? Значит ли эта фраза, что в России я нужен? Если да, то как все это?..

Ты пишешь: «прояви инициативу». Какую? Вот Давыдов А. М. тоже писал мне: «Сходи в полпредство, попроси, тебе все сделают». Да еще неизвестно, что мне может сказать полпред? А вдруг он пошлет меня к чертовой матери. Конечно, это, может быть, и не будет обидно, но будет очень досадно и печально.

...Меня обложили, как хотели, за мою сердечную помощь несчастным детишкам в Париже, развенчали, можно сказать, денационализировали, а ты теперь пишешь «прояви инициативу»...

Ну а теперь расскажу тебе кое-что из моих смешных и даже обидных приключений. — Я уже сказал, что в Японии встретили меня с музыкой, даже (удивительно) школьник и школьницы в их мундирчиках толпами пришли встретить на пристань. — Но после я поехал в Китай, то есть в Шанхай. — И после в Маньчжурию, то есть в Харбин. По дороге во всяком городе встречали меня русские — к чему бы? Но позже я заметил, что в моем лице им хотелось бы видеть императора — так и говорили: «Царя у нас нет, остались только Вы, Федор Иванович!» — Это мне показалось и смешным и, скажу прямо, отвратительным. Поэтому стал я как можно больше сторониться и приемов, и банкетов, и проч. церемоний. Но вот так штука — вдруг узнаю: в Харбине выработана программа встречи: на вокзале музыка, приветственные слова в парадных покаях и немедленное путешествие в собор, где встречается духовенство. — На другой же день, по программе, я

должен был посетить все учебные заведения и т. д.

На счастье (хотя болезнь всегда несчастье) я захворал, да и на вокзале выказал себя довольно сурово и недоброжелательно — некоторое время они все верили, что я «ихний», то есть или монархист или фашист. — Однако когда увидели мое почти дерзкое к ним отношение, то переменили фронт и начали «деликатно» меня уже поносить — и не будь я протезирован японцами, загнали бы меня ко всем чертям. — Впрочем, это хамская часть населения, мечтающая отомстить большевикам, другая же часть так сказать поэтическая и мечтательная — была счастлива без всяких политических выкриков просто меня послушать — и я, несмотря на то, что был простужен, пел им прекрасно. — На третий концерт милые женщины усыпали всю сцену цветами, и я, как по ковру, ходил.

Кончилось! — Еду в Пекин, Тяньцзинь и Шанхай — на вокзале уже человек 15 — не больше. Нет фашистов, нет монархистов, просто люди, любящие меня, артиста, пришли поцеловаться.

Приехал в Шанхай — два концерта полных и, конечно, успех! Но к третьему концерту (получили сведения из Харбина) — прокламация — «ни одного цента на концерт Шляпина! Он — враг эмиграции!» — Когда я это узнал, то утром в день этого самого концерта сел на пароход, да и был таков. Черт с вами, не желаю ни за какие деньги петь вам...

Видишь, какой я капризуля.

Ну, пока довольно, это только кое-что, а я вот буду писать третью книжку о театре, искусстве вообще и о моих впечатлениях и путешествиях — вот там уж я их, сынов, раскрашу — всех этих монархистов и фашистов. — Между нами говоря, эта сволочь «нестественная!»

Мне было приятно знать, что мои пластинки доставляют кое-какое удовольствие, особенно если слушатели еще и актеры — поклонись им и скажи, что при всяких моих грубостях я всегда люблю актеров, несмотря на то, что в развешивании меня 90% участия было актерского.

Целую тебя и желаю здоровья. Я огорчен, что ты хворишь.

Твой папуля».

НЕДОБРОЖЕЛ АТЕЛИ приписывали Шляпину жадность, скупость, страсть к деньгам. Ну а как быть с общеизвестными фактами о том, что он делал разовые взносы и отчислял сборы с концертов на нужды революционеров, на благотворительные цели? Разве не он организовал в одном из флигелей своего дома на Новинском бульваре госпиталь для раненых в империалистической войне 1914 года? Кстати, в нем ухаживали за солдатами Иолой Игнатьевна, ее дочери Ирина, Лидия. Да и те самые пять тысяч франков, о которых упоминалось в «Вечерней Москве», Шляпиным были пожертвованы не «в пользу безработных», а изможденным больным русским ребятишкам, которых он увидел на улицах Парижа. Как бы то ни было, но до конца своих дней Шляпин считал себя русским и не терял надежды возвратиться в Россию. Судьба его трагична и, конечно же, не может не волновать тех, кому близка русская культура.